

Григорянские хоралы

«Крематорий» надымил в «Дикой лошади»

■ Иркутск снова попал в неплотный, но уверенный гастрольный график группы «Крематорий». На этот раз ее выступление состоялось в новом концертном зале клуба «Дикая лошадь». Сам по себе формат этой площадки подразумевает смешение различных видов публики, поскольку в нем органично соседствуют танцпол, барные стойки и ресторанные столики. Довольно часто посетители рок-конcertов (особенно это заметно на выступлениях «рок-ветеранов», поскольку возрастная планка слушателей колеблется с большой амплитудой) грешат либо на отсутствие выпивки, либо закуски, либо пространства для хореографических упражнений. Но «Дикая Лошадь» поставила всё и всех на свои места: для публики на танцполе музыканты «Крематория» был героями советского рок-н-ролла, а для публики за столиками — нормальной командой из ирландского паба. Так что в эстетическом плане ничто не мешало публике ни есть, ни танцевать.

Иркутск Григорян несколько раз назвал знакомым для «Крематория» городом. Группа еще с советских времен приезжала к нам, наверное, чаще, чем кто бы то ни было из ныне живущих героев рок-н-ролла, так что у некоторых наверняка складывается впечатление, что «Крематорий» никуда и не уезжает. В пору, когда я только начал интересоваться рок-музыкой (но не посещал концерты по причине малолетства) одной из первых известных групп, чью афишу я увидел в родном городе, была группа «Крематорий» — еще до того, как в «Самосвал» стали наведываться одиозные «Наутилусы», «Алисы» и «Чайфы». И организация гастролей в ту пору основывалась скорее на дружеских отношениях, чем законах шоу-бизнеса (о чем Григорян довольно часто упоминает в интервью) — поэтому никого не удивило, но заметно обрадовало то, что исполнение одной из песен Григорян посвятил памяти

своих иркутских друзей — Вадима Мазитова и Сергея Терпигорьева.

Новые песни, заявленные в программе, было трудно вычленишь, так как они мало отличаются от старых. Структура песен «Крематория» осталась неизменной; она основана на законах американской авторской песни 60-х: очень короткий запоминающийся рефрен, обрамленный нагромождением не слишком понятных и не очень крепко связанных друг с другом образов, топчущихся на ограниченном пространстве нескольких куплетов. Сюжеты песен можно условно разделить на три вида: абстрактные апокалиптические зарисовки, последствия рок-н-рольного разгильдяйства и неудачные сексуальные опыты (неудачные, как правило, по причине истечения срока годности объекта поклонения).

В музыкальном смысле старые на-двух-аккордах песни «Крематория» мне кажутся свежее и искреннее,

хотя концентрация музыкальной и поэтической мысли в них, по сравнению с более поздними композициями, практически равна нулю.

В первой трети концерта прозвучало две песни Майка Науменко, влияние которого на свое творчество Григорян охотно подчеркивает. «Майк — катализатор нашей группы», — сказал Григорян, — «Если бы мы не услышали Майка в свое время, мы бы никогда не стали писать песни». В безоглядной любви к Науменко коренится и «фирменная манера» «Крематория»: это и «сырой» рок-н-ролл с интуитивными, не слишком умелыми отхождениями от блюзовых гармонических канонов, и снайперское попадание мимо ног, и неуверенное плейбойство, порой граничащее с плебейством.

Древние хиты вроде «Мусорного ветра» и «Сексуальной кошки» вызывали в памяти скорее гитарные сиделки в пионерских лагерях, чем